

*Готлиб О.М., профессор,
Назаров В.В., профессор,
Кагарманова А.Ф., старший преподаватель,
Барина А.В., старший преподаватель,
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске
филиал Московского государственного лингвистического университета*

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Отечественные труды в области грамматики китайской письменности» № 13-04-00248.

ЗАРУБЕЖНОЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: ВГЛЯДЫ И. М. ОШАНИНА НА ТЕОРИИ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Аннотация: в статье анализируются взгляды И.М. Ошанина на теории китайской письменности, изложенные в диссертационном исследовании ученого. Результаты исследования И.М. Ошанина до сих пор не утратили научной ценности и пока неизвестны в широкой научной среде.

Ключевые слова: грамматология; китайская письменность; «Шовэнь цзецзы»

Объект нашего анализа – текст диссертационного исследования Ильи Михайловича Ошанина «Происхождение, развитие и структура современного китайского письма», защищенного в 1943 году, в частности – изложенные в работу взгляды ученого на теории китайской письменности [1].

Свой анализ теорий китайской письменности И.М. Ошанин начинает с эпохи Хань, считая, что «изучение системы своего письма начато китайскими учёными только в Ханьскую эпоху. До этого времени нет специальных работ о происхождении или системе иероглифического письма, и существует лишь ряд мифов и народных сказаний о его возникновении. Это – период предыстории предмета, интересный материалами фольклорного характера, не проливающего, однако, света на интересующие нас вопросы, отмечу здесь, что к эпохе Ханьской династии сама китайская письменность принимает если не современный нам, то почти современный вид: к этому времени общепринятым почерком, установленным правительственными декретами является сяочжуань (小篆), орудием письма бамбуковый карандаш, и письму предстоит сделать только последний шаг для перехода к кисти и современному почерку кайшу (楷书)» [2, с. 10].

Современные исследования истории грамматологической мысли в Китае показывают, что серьезные опыты в этом направлении были сделаны уже в период позднего Чжоу, еще на рубеже IV - III вв. до нашей эры.

Как пишет И.М. Ошанин, «Первая половина II века н.э. ознаменовалась для китайской культуры окончанием начатой почти 400 лет назад восстановительной работы Ханьской династии по реставрации модификации книг конфуцианского канона и философских трудов эпохи древнего клас-

сизма, уничтоженных по декрету Циньского Шихуана (秦始皇) в 213 году н.э. Восстановленный конфуцианский канон снабжается комментариями, в частности, учёный Ма Юн (馬融), (основная деятельность 110 – 160 г. н.э.) с целым поколением учеников работал над расшифрованием восстановленного текста древних книг, комментируя Шицзин (詩) и Шуцзин (書), Ицзин (易), и Лицзин (禮). Вся эта колоссальная работа настоятельно требовала издания лексикона, и этот социальный заказ был выполнен в то же время учёным Сюй Шэнь (許慎), составившим словарь «Шовэнь Цзецзы» (說文解字), – сокращенно «Шовэнь». Эта работа положила начало не только так называемой «малой науке» (小學), т.е. комментированию отдельных иероглифов в классических текстах, но и анализу состава иероглифического письма, ибо в «Шовэне» каждый иероглиф снабжен специальным кратким комментарием, касающимся его структуры» [Там же, с. 10-11].

Это, по мнению ученого, дает основание считать, что «“Шовэнь” положил начало систематическому изучению китайской письменности, дал первоначальный подход к её структуре, наконец, установил основную терминологию, касающуюся категорий иероглифов, терминологию, остающуюся в силе до наших дней, как в Китае, так и за его границами, во всевозможных «курсах иероглифического письма» [Там же, с. 11].

При этом, им выделяется ряд особенностей, которые по сей день делают «Шовэнь» одним из основных пособий по изучению истории и структуры китайской иероглифической письменности. К каковым относятся:

1. Система лексикона: «Шовэнь» впервые берет на учет знаки китайской письменности, содержащийся в канонических, философских и историче-

ских сочинениях в эпоху Хань (9353 знака) и располагает их по ключевой системе, устанавливая систему в 540 ключей.

2. Начертание знаков: в «Шовэне» за основу принят почерк «сяочжуань» (小篆), что позволяет изучающему получить во всех случаях справку о тех формах письма, которые непосредственно предшествовали современному почерку «кайшу» (楷書). Вместе с тем для отдельных знаков «Шовэнь» даёт также и более древние начертания, (преимущественно эпохи Чжоу), воспроизводимые с надписей на треножниках, барабанах и колоколах, а иногда и в почерке «дачжуань» (大篆).

3. Фонетика: снабжая каждую фонограмму примечанием, что такая-то её часть является фонетиком, «Шовэнь» даёт богатейший материал для изучения чередования звуков древнекитайском языке на материалах иероглифического письма.

4. Семантика: Определяя значение иероглифа при помощи одного /чаще всего/ синонима, «Шовэнь» большей частью даёт основное, древнейшее значение иероглифа. Анализ: «Шовэнь» устанавливает ряд принципов китайского иероглифического письма, констатируя наличия в нем неразлагаемых элементов «вэнь» (文) и составных знаков «цзы» (字). Элементы делятся им на две категории: пиктограмма «изобразительной категории» (象形文) и символы «указательной категории» (指事文). Составные знаки тоже разделены на категории: идеограммы (會意字), фонограммы (形聲字). «Шовэнь» впервые обращает внимание на наличие в китайском языке явления «заимствования», т.е. использование мёртвых знаков для обозначения однозвучных им слов, не имеющих иероглифического обозначения, выделяя использованные так иероглифы в «заимствованную» категорию письма (假借) и, наконец, кладёт начало изучению родственных графически и синонимичных иероглифов, называя их «видоизмененной категорией» (轉注). Так получают 6 категорий письма (六書), устанавливаемые «Шовэнем». Таким образом, Сюй Шэнь разработал ряд основных принципов анализа иероглифа, а так как иероглифы и лексиконы, как сказано выше, приведены в определенном порядке, по ключам, «Шовэнь» является одновременно и первым систематическим курсом иероглифического письма [Там же, с. 12-13].

Говоря о критической оценке «Шовэня», И.М. Ошанин пишет, что «более или менее серьезная критика “Шовэня” началась фактически только в наши дни. Открытие “иньских костей”, костей и черепных щитов, покрытых письменами, при археологических раскопках в Хэнани с 1899-1921 гг.

и расшифрование надписей на них вскрыли не только ряд существенных ошибок автора, но даже порядочное число фальсифицированных им иероглифов, изобретенных, видимо, в целях объяснения отдельных трудных сложных знаков (например: начертание 莢 для 光, дабы доказать, что 黃 производится отсюда фонетически), а также множество случаев совершенно произвольной трактовки иероглифов, вышедших давно из употребления, потерявших своё значение и совершенно забытых, но оставивших после себя следы в иероглифике в виде производных от них фонограмм, подлежащих анализу (например: 戠). Особенно серьезную, систематическую критику “Шовэня” дали большой лексикон японского ученого Т. Таката и китайская работа “Ма Сюй-лунь” /馬叙倫/ “Методика изучения Шовэня”» [Там же, с. 13].

По мнению ученого, при всей его несомненной значимости, «Шовэню» присущи три недостатка, которые характеризуются как «органические»:

1. «Шовэнь» создан в Ханьскую эпоху, эпоху реакции против Циньских реформ, эпоху расцвета конфуцианского мировоззрения и реставрации философских концепций классических школ. Отсюда понятно, что «Шовэнь» находится под сильнейшим влиянием философии Лаоцзы и Конфуция. Весь подход «Шовэня» к иероглифическому письму таким образом является субъективным, отражающим мировоззрение господствующих классов феодального общества и, следовательно, бесконечно далёким образом мышления первобытного человеческого коллектива, создавшего первые символы и идеограммы. Например:

А) Иероглиф — «и», один. Трактровка «Шовэня»: «Великое начало всех начал. Дао базируется на нём. В созидании — делит небо и землю, в разложении — образует всё сущее».

Б) Иероглиф 亟 - «ци, цзи», спешить, срочно. Трактровка «Шовэня»: происходит от 人 /человек/, 口 /рот/, 又 /рука/ и 二 /два/, причём 二 здесь — “небо и земля” — и т.д.

2. «Шовэнь» — иероглифический лексикон ханьской эпохи, основанный, как сказано выше, на почерке сяочжуань. Это значит, что он оперирует высокоразвитым иероглифическим письмом, прошедшим громадную графическую эволюцию с изменениями не только механического порядка, связанными с неоднократной сменой орудий письма, но и с изменениями композиционными, заключающимися в самых кардинальных изменениях состава сложного знака и связанных с переосмыслением старого иероглифа в духе мировоззрения господствующих классов более поздней эпохи.

3. Терминология «Шовэня», касающаяся шести категорий письма (六書), также составлялась

применительно к готовым представлениям феодальной науки Ханьской эпохи. Поэтому, с одной стороны, в первых четырёх «категориях» «Шовэня» на самом деле содержатся знаки гораздо более разнообразного происхождения и наоборот, последние две «категории» (假借 и 轉注) не являются продуктом каких-либо особых принципов композиции и, следовательно, не должны объединяться с первыми четырьмя под одним общим термином «категории» [Там же, с. 14-15].

Вместе с тем, ученый указывает на уникальное место «Шовэня» в истории китайской грамматологической мысли. «В течение ряда столетий, прошедших со времён Ханьской эпохи почти до наших дней, все работы китайских учёных, посвящённые происхождению и развитию китайского письма неизменно базировались на “Шовэне” как на основной работе и истории изучения иероглифов: они не учитывали этих трёх особенностей работы Сюй Шэня и даже в случае критического подхода к отдельным деталям лексикона, всё-таки не были в состоянии отойти от него далеко. Даже лучшие и наиболее подробные работы, например, Сюй Кай (徐鍇, 920–974) в эпоху Сунской династии или Дуань Юй-цай (段玉裁, 1735–1815) в эпоху Маньчжурской и многие-много другие, находятся в рабском подчинении у “Шовэня” и составляют с ним в истории китайской иероглифики одну школу. Литература этого рода совершенно необозрима: в наши дни Дин Фубао (丁福保) составил сводную работу всех трудов по “Шовэню”, состоящую из 1 000 томов (!) и охватывающую обширный период времени от Танской эпохи до наших дней, – причём работа Дина включает в себе только комментарии к “Шовэню” и дополнительные к нему разъяснения. Помимо этого существует, пожалуй, литература не меньшего объёма, посвящённая, правда, критике “Шовэня”, но критике мягкой, отмечающей отдельно ошибки и неточности лексикона, но в конечном счёте неспособные от него оторваться и лишь подтверждающие его монопольное положение в науке о китайском письме. “Шовэнь” становится почти канонической книгой и попытки пересмотреть некоторые из его основных положений встречают резкий отпор китайских учёных почти до наших дней» [Там же, с. 15].

Говоря о влиянии «Шовэня» на европейскую, в частности, российскую синологию, И.М. Ошанин указывает, что «курсы иероглифического письма, составленные европейцами (в том числе и нашими соотечественниками – академиком Васильевым и др.) и претендующие на серьёзное научное значение, тоже всегда базировались на “Шовэне”, тоже попадали к нему в рабство и совершали одни и те

же основные методологические ошибки» [Там же, с. 16].

Наиболее ярким свидетельством такого положения дел является, по мнению ученого, работа французского сиолога L. Wieger «Les caracteres chincis», известная более в своем английском переводе «Chinese characters». При известных преимуществах этой работы по сравнению с «Шовэнем» в плане поиска знаков и их систематизации, указанная работа, как считает И.М. Ошанин, отличается серьёзными недостатками, к которым, по его мнению относятся:

1. Работа не пытается пролить свет на происхождение китайского письма, ограничиваясь изложением всё тех же мифов, – как и «Шовэнь».

2. Работа, как и «Шовэнь», базируется на почерке *сяочжуань* и, следовательно, оперирует в своём анализе теми же Ханьскими начертаниями, сопровождая их, однако, современным пекинским произношением иероглифов и делая отсюда выводы о фонограммах и их звучании.

3. Анализ иероглифов не ограничивается краткими замечаниями «Шовэня», указывающими лишь на составление знака и его категорию, а даёт на основе этих замечаний в весьма свободном изложении ряд субъективных выводов автора сплошь и рядом с широчайшим полётом фантазии.

Наконец, самый главный недостаток работы: Wieger не видит эволюции и прогресса в развитии китайского письма, считает все развитие иероглифической письменности от почерка *гувэнь* (古文) до *кайшу* (楷書) – регрессом, обусловленным, главным образом, «неграмотностью писцов» [Там же, с. 17-18].

Переломным моментом во взглядах на китайскую письменность стали, по мнению ученого, работы великого шведского сиолога Б. Карлгрена «Analytic Dictionary» и «Grammata Serica».

Оценивая вышедший в 1921 году в Париже «Analytic Dictionary», И.М. Ошанин отмечает, что «работа явилась громадным шагом вперед по сравнению с любыми существовавшими до того лексиконами и курсами китайского языка иероглифического письма, так как, ограничиваясь в анализе замечаниями “Шовэня”, часто сокращая, а иногда даже опуская их (в тех случаях, где они казались автору наиболее сомнительными), – она, вместе с тем, вносит в предмет новый фонетический принцип устанавливая фонетическую систему китайской иероглифической письменности уже не на основании современного пекинского произношения, а на основании реставрированного в результате громадной работы автора звучания речи китайцев VI в. н.э., – т.е. несравненно более близкого к Ханьской эпохе».

При этом, однако, отмечается, что: 1/ «Analytic Dictionary» ничего не сообщает о происхождении и ранних этапах развития китайского письма, ибо задачи автора значительно уже: проанализировать Ханьские начертания иероглифов в связи с реставрированной фонетикой старо-китайского языка; 2/ «Analytic Dictionary» - фонетический словарь, а не курс иероглифического письма – и в области графики и семантики не дает ничего нового [Там же, с. 19].

О вышедшей в Стокгольме в 1941 г. «Grammata Serica» ученый говорит как о работе «несомненно исключительного значения, знаменующей собой наступление большого перелома в вопросе изучения иероглифического письма. Эта крупнейшая научная работа впервые, (если не считать упомянутого выше лексикона Т.Таката и новейших исследований современных китайских авторов 郭末若、馬紱倫、將善國、朱芳圃 и некоторых других) ставит на твердые научные основы и переводит на новую методiku область изучения иероглифического письма, область, бывшую до того ареной самых произвольных толкований иероглифов, часто с применением самой безудержной фантазии, необоснованных догадок и гипотез, построенных, как мы видим, без учета древней графики, без исследований древней фонетики, а часто в полном отрыве от основных явлений развития семантики иероглифа» [Там же, с. 20].

Указывая на основной постулат Карлгрена, согласно которому «историческое исследование китайского и японского письма должно состоять из двух основных частей: с одной стороны, идеограммы должны насколько возможно полно быть изучены, начиная с наиболее ранней формы и дальше до почерка сяочжуань, на котором основано новейшее письмо; с другой стороны, мы должны изучать применение этих первичных идеограмм в порядке заимствования к словам с одинаковым или сходным древним произношением, и серия иероглифов с общим фонетиком, получаемая таким образом, должна быть установлена и объяснена с лингвистической точки зрения», И.М. Ошанин подчеркивает, что «этот четкий тезис, несомненно, должен лечь в основу всех дальнейших работ по истории и развитию иероглифического письма, и с ним остается только согласиться» [Там же, с. 20].

По мнению И.М. Ошанина, основными результатами исследований Б. Карлгрена явились:

1. Графика. «Grammata Serica» дает древние начертания (с иньских костей, треножников и колоколов, плит и камней), тех вариантов, которые удержались в современном письме, вследствие

чего графическая эволюция иероглифа до почерка *дачжуань* прослеживается на этой работе легко и наглядно, причем, каждое начертание датируется по возможности наиболее точно. Однако, Карлгрен отказывается сделать в этой работе какие-либо выводы в области графики, не пытается хотя бы учесть число графических элементов письма Иньской эпохи – и тем самым графика в его работе играет роль подсобную, подчиненную фонетике, призвана лишь подкреплять те или иные фонетические изыскания. Очевидно, здесь потребуется дополнительная громадная исследовательская работа раньше, чем можно будет создать настоящий курс иероглифического письма.

2. Фонетика: ей в работе Карлгрена принадлежит первенствующая роль. Восстановление звучания древне-китайского языка на базе рифм «Шицзина» (詩) и «Чуцы» (楚辭), на базе изучения чередования звуков в фонетической категории письма, произведено Карлгреном достаточно убедительно со скрупулезной научной добросовестностью, даже некоторым педантизмом. Работа, несомненно, является фундаментальным вкладом в дело исторического изучения фонетики китайского языка и древне и старо-китайское чтение, которым Карлгрен снабжает каждый иероглиф своей работы, дает блестящую картину фонетического развития языка. Однако, с точки зрения структуры иероглифического письма, фонетические изыскания Карлгрена кое-где затемняют подлинную связь между графикой иероглифа и фонематикой. Само расположение фонетиков по рифмам затрагивает вопрос о характере и структуре фонем в древне-китайском языке; к самому иероглифическому письму Карлгрен подходит с точки зрения «твердых законов» чередования звуков, установленных современной буржуазной наукой, не имея, видимо ни малейшего представления о громадной широте и размахе этих фонетических переходов, установленных советским языковедением со времен Марра. Карлгрен не принимает в соображение самого простого факта, что в обществе древнего Китая отдельные иероглифы могли использоваться как фонетики, в различных диалектах различных племен и, следовательно, давать фонетические дериваты с таким чтением, которые противоречат выводам буржуазной фонетической науки XX века. Например группа 漢, представляющая собой графически и семантически (а по мнению И.М. Ошанина, и фонетически) одно стройное целое, разбит у Карлгрена на три группы на том основании, что переход *nan-xan-t'an* невозможен и т.д. Словом, фонетика довлеет над Карлгреном, и это мешает ему сделать ряд интереснейших выводов из его же собственной работы.

3. Семантика: «Поскольку настоящая книга, – пишет Karlgren, – является исследованием графики и фонетики, я мог бы конечно, дать список иероглифов с их древне и старо-китайским произношением совершенно без всякого перевода, что, однако, было бы неудовлетворительным, так как не объяснило бы ни идеограмм, ни выбора ключей в иероглифах фонетической категории». Это означает, что семантике Karlgren отводит в своей работе чисто служебную роль, подобно многим буржуазным языковедам, не понимая, что фонетика без семантики – мертва, и что в иероглифическом письме семантические сопоставления позволяют делать ряд выводов, которые иначе сделать нельзя. И хотя Karlgren в своей работе с исключительной добросовестностью мотивирует каждое значение каждого иероглифа ссылкой на тот или иной текст конфуцианского канона, в дальнейшем он ограничивается лишь случайными ссылками на то, что данное слово родственно (cognate) другому и не пытается делать никаких выводов на основе семантики иероглифов.

4. Анализ. Исключительная научная добросовестность видна и здесь. Иногда Karlgren кратко констатирует, что такая-то идеограмма состоит в древнем начертании из таких-то частей, большей же частью совершенно отказывается от анализа, ограничиваясь стереотипной фразой: «объяснение начертания ненадежно» (Explanation of graph uncertain).

Таким образом, анализ – самая слабая часть работы Karlgren'a, и он не привлекает на помощь себе в этом отношении возможных методических приемов (сопоставление графики, фонетики и семантики, система тонов и т.д.).

5. История иероглифа: наконец, – и это самое главное – работа совершенно не ставит вопроса о

происхождении китайского письма, не привлекает данные, известные по развитию письма у других народов, и не пытается даже подойти к элементам китайского письма с учетом данных, известных о мировоззрении и психологии первобытного человеческого общества [Там же, с. 20-22].

Оценивая положение дел в области изучения китайской письменности, ученый указывает основные направления необходимых исследований, которые, как нам кажется, вовсе не утратили своей актуальности:

1. Богатая количественно литература о китайском иероглифическом письме до сих пор оставляет громадное поле деятельности для исследователя вопроса о происхождении, развитии и структуре современной китайской письменности.

2. Сама методология вопроса разработана весьма слабо и лишь несколько лет назад основы ее заложены Karlgren'ом, установившим громадную важность фонетики в этом вопросе.

3. Дальнейшие задачи: не снижая в исследованиях роль фонетики и графики, вместе с тем канд. филол. наук. М: Военный институт иностранных языков Красной Армии, 1943. усугубить роль семантики, разрабатывая методологию вопроса по линии анализа каждого иероглифа во взаимоотношении всех трех разрезов (графика, семантика, фонетика).

4. Полученные выводы проанализировать не только в свете новейших достижений советского языкознания, но, главное, и в свете марксистско-ленинского учения о развитии человеческого общества, – после чего только и делать окончательные выводы о происхождении, развитии и характере современного китайского письма.

Литература

1. Готлиб О. М., Кремнёв, Е. В., Шишмарева, Т. Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.

2. Ошанин И.М. Происхождение, развитие и структура современного китайского письма: дис. ... канд. филол. наук. М: Военный институт иностранных языков Красной Армии, 1943.

References

1. Gotlib O. M., Kremnjov, E. V., Shishmareva, T. E. Otechestvennye trudy v oblasti grammatologii kitajskoj pis'mennosti vtoroj poloviny XIX – pervoj poloviny XX vv. V. P. Vasil'ev, S. M. Georgievskij, Ju. V. Bunakov, I. M. Oshanin. Irkutsk: MGLU EALI, 2014. 283 s.

2. Oshanin I.M. Proishozhdenie, razvitie i struktura sovremennogo kitajskogo pis'ma: dis. ... kand. filol. nauk. M: Voennyj institut inostrannyh jazykov Krasnoj Armii, 1943.

*Gotlib O.M., Professor,
Nazarov V.V., Professor,
Kagarmanova A.F., Senior Lecturer,
Barinkova A.V., Senior Lecturer,
Irkutsk Eurasian Linguistic Institute
branch of Moscow State Linguistic University*

**REGION AND ORIENTAL STUDIES: I. M. OSHANIN'S VIEWS ON THE THEORIES
OF CHINESE WRITING**

Abstract: the article analyzes the thesis of I.M. Oshanin, particularly his grammatological views to the theories of Chinese writing in order to introduce the results of this work to the modern research discourse.

Keywords: grammatology, Chinese written language, «Shuowen Jiezi»